

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

КАРЕЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В РАССКАЗЕ Ю. КАЗАКОВА «АДАМ И ЕВА»*

Описываются прототипические связи между островом Кижь в Карелии и художественным пространством рассказа Ю. П. Казакова «Адам и Ева» (1962). Основанием для постановки вопроса стали письма и дневники Казакова конца 1950-х годов, свидетельствующие, что писатель побывал в Петрозаводске и на острове Кижь в 1959 году, а также образы и мотивы рассказа, отсылающие к реалиям кижского ландшафта. Рассказ, следовательно, может быть включен в корпус литературно-художественных текстов, представляющих «кижский текст» русской литературы. Анализ художественной топографии и топонимики «Адама и Евы», осуществляемый в контексте «северной темы» писателя, позволяет наблюдать в его художественной прозе стремление к синтезу конкретного (локального) и символического (универсального) начал.

Ключевые слова: локальный текст, мотив, художественное пространство, остров

К анализу рассказа «Адам и Ева» неоднократно обращались литературоведы, рассматривая его в свете северной темы Казакова и общей проблематики творчества писателя [2; 171–177]. В опубликованных работах, однако, обнаруживается лакуна, связанная с комментарием к пространственной организации рассказа. В существующих источниках художественное пространство «Адама и Евы» анализируется как условное – это некий абстрактный Север и абстрактный остров. С такой интерпретацией трудно согласиться¹. С одной стороны, действительно, все имена и названия в рассказе вымышлены. Логично предположить, что сделано это, чтобы обозначить вымышленную же территорию, на которой разворачивается придуманная автором история. По сюжету 25-летний московский художник Агеев отправляется на северный остров Сег-Погост писать пейзажи, пригласив туда свою московскую знакомую. События сосредоточены в нескольких днях из жизни героев, когда между ними должна возникнуть любовная связь. Но все оказывается сложнее. Проведя три дня с Агеевым, Вика покидает остров. Современные Адам и Ева расстаются. С другой стороны, художественное пространство рассказа содержит отсылки к конкретной местности, которая показана достаточно узнаваемо и вполне может быть названа и определена, – это Карелия, Петрозаводск и остров Кижь. Атрибутировать этот локус позволяет как сам текст, так и опубликованные архивы Ю. Казакова.

Исследовать данный вопрос тем более интересно, что, судя по существующим биографическим источникам, «карельская страница» биографии писателя оказалась в значительной степени забыта. Кижский погост и Петрозаводск, как правило, не упоминаются в описани-

ях северных маршрутов писателя, несмотря на то, что указание на эти маршруты – общее место в статьях о Казакове и предисловиях к его книгам. Возможно, это одна из причин того, что в публикациях, посвященных северным сюжетам Казакова, нет упоминаний о его карельских поездках. Исключены из поля внимания исследователей карельские реалии даже и тогда, когда они недвусмысленно обозначены самим автором в тексте, как в случае с «Северным дневником», куда вошел очерк «Калевала», написанный на карельском материале. Впрочем, даже северные очерки Казакова на сегодняшний день лучше прокомментированы с точки зрения не столько реалий, сколько мифопоэтики пространства [5].

Об одном путешествии Ю. Казакова в Карелию сохранились сведения в мемуарной книге В. Конецкого, который опубликовал дружескую переписку с Казаковым конца 1950-х – начала 1960-х годов. В опубликованных письмах дважды встречается упоминание о поездке в Петрозаводск и на остров Кижь. 21 августа 1959 года Казаков писал Конецкому: «В Питере мы пробуем недолго и двинем дальше – в Петрозаводск, Повенец, Кижь, Сороку (Беломорск) и на Белое море, а там мы восплчем и побежим по волнам и ни черта не утонем» [1; 26]. Приведенные строки свидетельствуют о том, что Кижь и Петрозаводск входили в географический кругозор Казакова и о его желании включить их в маршрут своих северных странствий. Спустя три месяца, 23 ноября 1959 года, Казаков снова писал Конецкому: «...девочка моя приехала в Петрозаводск и мы с ней уединились на десять дней в Кижях, питались рыбой, молоком и картошкой» [1; 27]. Последняя цитата, помимо упоминаний интересующих нас мест, еще и находит параллель в фабуле «Адама и Евы»: и в том, и в другом случае речь идет о

романтическом уединении на северном острове некой пары. И в том, и в другом случае дело происходит осенью. История из письма и фабула рассказа при этом отличаются друг от друга. В «Адаме и Еве» герои расстаются на третий день совместного пребывания. Однако о прототипических отношениях в этом случае говорить, как кажется, можно. Аналогичные прототипические отношения возникают и между реальным островом Кижи и поэтическим пространством в рассказе «Адам и Ева». Эти отношения становятся причиной проникновения в текст Ю. Казакова мотивов, связанных с островом Кижи.

Изображенное в «Адаме и Еве» пространство узнаваемо за счет ряда топографических маркеров, уникальных для местности. Оно значительно отличается от условного, полностью вымышленного, абстрактно сконструированного мира. Интерес к конкретному пространству ощутим уже на уровне стиля. Например, говорится о том, что Агеев «ненавидел» в гостиничном ресторане «этих девочек, и пижонов, и скверных музыкантов... и скверную еду, и здешнюю водку-сучок, которую буфетчица всегда не доливала» (63)². Эпитет «здешний» – в числе тех маркеров, что ориентируют читателя на восприятие конкретного пространства, отграниченного от остального мира, который «там». О том, какая именно территория имеется в виду, где располагается это «здесь», недвусмысленно сообщают читателю карельские и финские реалии, встречающиеся в рассказе. Так, обслуживает Агеева в привокзальном буфете официантка Жанна Юоналайнен с нерусским произношением и финской фамилией. Озеро, среди которого расположен остров, Жанна называет тоже по-фински «ярви».

«– Художники нас не рисуют, – немного не по-русски выговорила официантка.

– Откуда ты знаешь? – Агеев посмотрел на ее грудь.

– О! Им надобятся рыбаки. И рабочие, стрел... стрелочники. Или у нас ярви имеет островок и деревянная церковь. Они все едут туда, еду-ут... Москва и Ленинград. И все вот так, в беретах, да? <...>

– Ты что, не русская?

– Нет, я финка. Юоналайнен» (64).

Финское слово «ярви» еще и связующее звено между «Адамом и Евой» и очерком «Калевала» из «Северного дневника». В последнем оно упоминается как часть топонима Ала-ярви, который включен в текст для передачи местного колорита, что свойственно травелогам. В «Адаме и Еве», где иная жанровая природа, остается только обобщенное «ярви». Местный колорит сохраняется, а географическая конкретика исчезает. В другом месте встречается карельское слово «салми» (пролив), бытующее в Обонежье и Заонежье. В целом же в северном городе у озера на границе русского и финского мира легко узна-

ется не названный автором прямо Петрозаводск. Создавая образ северного города, писатель отбирает характерные детали, вполне отвечающие принципу *colour local*. Типичный пример – описание картины в гостинице, где остановился Агеев: «Картина изображала местное озеро, фиорды, неестественно лиловые скалы с неестественно оранжевой порослью низких березок на уступах. На картине тоже была осень» (62).

Важным опознавательным знаком служит тот факт, что в рассказе Казаков дважды называет остров и его строения «музейными». Причем оба раза определение появляется в значимых, «сильных» местах описания. Первое – в эпизоде прибытия героев на остров: «Когда совсем подошли к острову, стала видна ветряная мельница, прекрасная старинная изба, амбарные постройки – все пустое, неподвижное, музейное» (72). Второе – в момент отъезда Вики в финале рассказа: «Агеев повернулся к свету спиной и увидел, как луч прожектора дымно дрожит на прекрасной старой музейной избе» (86). Первый эпизод – это и первое впечатление от острова. Второй – обостренное его видение в свете происходящей драмы. Карелия, озеро, остров-музей – ряд деталей не дает возможности ошибиться с атрибуцией места.

Среди локальных штрихов есть и менее очевидные для читателя, связанные с историей описываемой местности. Возьмем упомянутое официанткой творческое паломничество на остров столичных художников. Действительно, художники одними из первых проложили путь на труднодоступный в первой половине XX века остров. Они отправлялись писать Кижский погост задолго до организации музея и туристических маршрутов: «На острове Кижи побывали И. Я. Билибин (1904 год), И. Э. Грабарь (1909) и М. В. Красовский (1916). И. Я. Билибин писал: "...нигде мне не приходилось видеть такого размаха строительной фантазии, как в Кижях. ...Что за зодчий был, который строил такие церкви!" Постепенно Кижи становятся известными: издаются почтовые открытки с видами Кижского погоста, а в 1911 году картина художника Шлугейта с изображением Кижского погоста была приобретена императором Николаем II» [4; 13].

Легко заметить, что в рассказе Казакова пространство описано с предельной четкостью и детализацией. Это и образы построек: ветряной мельницы, погоста, причала. И образы местных жителей, добирающихся тем же паромом дальше через Сег-Погост в Малую Губу (в полном соответствии с реальным маршрутом озерного транспорта, заходящего на Кижи и идущего дальше в заонежскую Великую Губу): «Проходы были завалены мешками с картошкой, корзинами, кадками с огурцами, какими-то тюками. И народ был все местный, добирающийся до какой-нибудь Малой Губы. И разговоры были тоже местные: о

скотине, о новых постановлениях, о тещах, о рыбодобыче, о леспромхозах и о погоде» (68). Правдиво воспроизведен образ озера, «по которому ветер гнал беспорядочную темную волну», берега, где во время переправы на остров «смутно, медленно тянулись бурые, уже сквозящие леса, деревни, потемневшие от дождей, бакены и расстрепанные вешки» (67), наконец сам узнаваемый ландшафт кижских шхер: «К острову пароход подходил вечером. Глухо и отдаленно сгорела кроткая заря, стало смеркаться, пароход шел бесчисленными шхерами. Уже видна была темная, многошатровая церковь, и пока пароход подходил к острову, церковь перекатывалась по горизонту то направо, то налево, а однажды оказалась даже сзади» (71–72). Интересно, что церковь в последнем приведенном фрагменте названа «многошатровой», что не соответствует «многоглавой» конструкции Преображенской церкви Кижского погоста. Еще интереснее, что в дальнейшем развернутом описании отражена конструкция, соответствующая скорее силуэту кижского архитектурного ансамбля с луковичами-главками, а не башнями-«шатрами»: «...и, когда Агеев шел с восточной стороны, церковь великолепным силуэтом возвышалась над ним, светясь промежутками между луковичами куполов и пролетами колокольни» (73–74). «Многошатровые» церкви чаще встречались в Архангельской области. Почему Казаков переименовывает конструкцию церкви? Будь это просто ошибкой, у автора была бы возможность исправить ее в переизданиях рассказа. Как кажется, «неточность» в настоящем случае может быть сознательно допущена и продиктована желанием автора уйти от очерковой конкретики, топографического педантизма и, напротив, расширить пространство рассказа, придав ему символическое обобщающее значение, что хорошо заметно на всех уровнях повествования. Ведь назови он церковь в рассказе «многоглавой», а остров – Кижами, и рассказ получится о Кижях и только о них. А замысел Казакова шире. И Кижь, и Русский Север для него не самоцель, но впечатление, ведущее к обретению некоего знания о мире и человеке. Это знание и вырастает из места, местности, и перерастает ее в своей универсальной значимости.

Взаимоотношения образа и прообраза в «Адаме и Еве» на порядок сложнее, нежели в северной очерковой прозе, где документальная основа повествования коррелирует с документальным именованием персонажей (реальных лиц) и мест (топонимов). В рассказе же топография Кижей описана с детальностью, буквально провоцирующей на комментирование с точки зрения исторических и географических реалий, а вымышленная топонимика расширяет пространственные границы. Никак не названы ни город, из которого Агеев отправляется на остров, ни озеро, среди которого остров расположен. Сам остров назван Сег-Погостом. Его название вы-

мышленное, но сконструировано оно из «реального» локального материала. «Погост» отсылает к «Кижскому погосту», а топоним «Сег» созвучен ряду карельских названий (Сегозеро, Сегежа). Соседний с Сег-Погостом островок назван Кижма-остров. И в этом случае название как бы намекает на Кижь своим звучанием, но и уходит от него. Интересно, что придуманный Казаковым топоним (соответствий с какими-либо реальными локусами нами не найдено) созвучен названию поморского села Кимжа на реке Мезени, знаменитого своей деревянной церковью и мельницей. Не исключено, что во время своих северных странствий Казаков бывал в Кимже или слышал о ней. Благодаря возникающему созвучию имен две местности, два образа как бы наслаиваются один на другой. И наконец, тому же принципу диалога между локальным и условным подчинено переименование реальной заонежской Великой Губы, к которой направляется дальше кижский маршрут после остановки на острове, в Малую Губу, как она названа в «Адаме и Еве». Что примечательно, на трансформацию топонима и здесь могли оказывать влияние реалии: деревня с названием Малая Губа существует в Псковской области, откуда, напомним, писалось письмо Конечному о намерении ехать в Карелию. В итоге налицо смещение акцента, уход от фотографичности в изображении пространства, движение к его символизации. Если учесть все переклички, то топонимика рассказа выглядит как конструкция, объединяющая и обобщающая карельские, архангельские и, возможно, даже псковские мотивы в единое пространство Русского Севера.

Трансформируя именование пространства и сохраняя одновременно детальное и точное его описание, Казаков формирует тонкий диалог местного и всеобщего. «Адам и Ева» легко прочитывается вне географической конкретики, а ряд смыслов рассказа и должен быть воспринят в более широком и пространственном, и временном контексте. В отличие от очерковой прозы поэта «Адама и Евы» в существенных своих моментах – от конструирования вымышленной топонимики до символического заглавия с открытыми библейскими коннотациями – подчинена принципу поэтизации и мифологизации, переходу от «здесь и сейчас» к «везде и всегда». В этом смысле пространство «Адама и Евы» – не Кижь, а герой – не Ю. Казаков. Это Остров, где встречаются Он и Она. В рассказе, в отличие от очерковой прозы, доминирует план художественности, в котором, по справедливому замечанию Ю. Лотмана, «“пространство” подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [3; 252]. Это не уменьшает значение кижских мотивов, которые становятся здесь элементами поэтического языка, для создания истории, родившейся из впечат-

ления о путешествии. Детализация и точность описания кижского ландшафта свидетельствуют о том, что остров сыграл важную роль в становлении и реализации художественного замысла. В конечном итоге, не образом ли Преображенской церкви, к которой то и дело возвращается повествование, навеяна библейская символика заглавия, акцентирующая в рассказе тот самый универсальный, «вечный» план?

Установление связей, существующих между местностью и текстом, в настоящем случае очерчивает, как кажется, некоторую перспективу в дальнейшем научном осмыслении как творчества Казакова, так и литературной репрезентации острова Киж. Во-первых, прочитанный таким образом рассказ корректирует наше представление о северной теме в прозе Казакова

1960-х годов, расширяя ее за счет популярного у писателей-шестидесятников острова Киж. Во-вторых, опыт такого топографического реального комментария привлекает внимание к авторским стратегиям Казакова в описании местности, различным для очерка и рассказа, детальное изучение которых может помочь более ясному пониманию особенностей литературной репрезентации пространства. Наконец, выявление кижских мотивов позволяет включить рассказ «Адам и Ева» в круг литературно-художественных источников, составляющих «кижский текст» русской литературы. Прежде рассказ не включался в литературно-художественные разделы библиографических указателей об острове Киж, хотя, как мы видим, имеет прямое к нему отношение.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор выражает благодарность историку, писателю, старшему научному сотруднику музея-заповедника «Киж» Б. А. Гушину за указание на возможную связь места действия рассказа с островом Киж.
- ² Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Двое в декабре. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 62–86. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конечский В. В. Некоторым образом драма. Л.: Советский писатель, 1989. 368 с.
2. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: ООО «Журнал «Звезда», 2012. 536 с.
3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
4. Музей-заповедник «Киж». 40 лет. Петрозаводск: Scandinavia, 2006. 208 с.
5. Никитина М. В. Художественное пространство «Северного дневника» Ю. П. Казакова // Северный текст русской литературы. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского ГУ, 2009. С. 111–128.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIAN REALITIES IN Y. KAZAKOV'S STORY "ADAM AND EVE"

The article establishes and describes patterns of prototypical connections between the island of Kizhi in Karelia and the literary space of Yuri Kazakov's short story "Adam and Eve" written in 1962. This research approach is supported by Kazakov's personal letters and diaries dating back to the end of the 1950s. They contain some facts about his visits to the Kizhi island and the city of Petrozavodsk, as well as some motifs and images for his forthcoming story referring to certain objects of Kizhi landscape. Kazakov's archives, published in different sources, explain why he paid so much attention to Petrozavodsk and Kizhi islands. His short story "Adam and Eve", therefore, can be included into the corpus of books that represent "Kizhi text" of Russian literature. The analysis of literary (imaginary) topography and toponymy of the story in the context of Yuri Kazakov's 'northern theme' shows that his prose reflected his aspiration to synthesize principles of realism ('the local') and symbolism ('the universal').

Key words: local text, motif, artistic space, island

REFERENCES

1. Konetskiy V. V. *Nekotorym obrazom drama* [A kind of drama]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989. 368 p.
2. Kuz'michev I. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yuri Kazakov. Documentary narration]. St. Petersburg, Soyuz pisateley Sankt-Peterburga: ООО "Zhurnal "Zvezda" Publ., 2012. 536 p.
3. Lotman Yu. M. Artistic Space in Gogol's prose [Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya]. *Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova* [At School of Poetic Word]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. P. 251–293.
4. *Muзей-zapovednik "Kizhi". 40 let* [Kizhi Open Air Museum. 40 years]. Petrozavodsk, Scandinavia Publ., 2006. 208 p.
5. Nikitina M. V. Artistic space of "Northern journal" by Ju. P. Kazakov [Khudozhestvennoe prostranstvo "Severnogo dnevnika" Yu. P. Kazakova]. *Severnnyy tekst russkoy literatury* [Northern text of Russian Literature]. Vol. 1. Arkhangelsk, Pomorskiy University Publ., 2009. P. 111–128.

Поступила в редакцию 21.03.2014